

Отношение к военной службе среди религиозных движений России в конце XIX – начале XX вв.

Орлов Максим Александрович

кандидат исторических наук, Петербургский лицей.

Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0003-4663-9443. E-mail: orlov.m.a.87@yandex.ru

Аннотация. С давних времен война и религия были тесно связаны между собой. В древности, Средневековье, Новое и даже Новейшее время войны зачастую носили священный характер как борьба за религиозные убеждения. Со временем появлялись религиозные учения, отвергавшие войну (баптисты, меннониты, адвентисты). Среди сектантов Российской империи также встречались идеи пацифизма. В настоящей статье рассматривается вопрос об отношении к войне различных религиозных групп России на рубеже XIX – начала XX вв. Сделана попытка классифицировать различные конфессии по такому признаку, как отношение к войне.

Религиозный пацифизм стал известен в России еще с XVIII в., когда в страну прибыли меннониты. С особой силой пацифизм стал распространяться после проповеди Л. Н. Толстого о «непротвлении злу». Некоторые секты, например, духоборы, восприняли пацифизм Толстого, сделав его одним из пунктов своего вероучения. Пацифизм был характерен также для секты «Иеговистов» («Десное братство»), «Новый Израиль», штундизма, молоканства. Вместе с тем указывается, что идея пацифизма далеко не всегда однозначно принималась среди указанных религиозных сект. Не все их адепты принимали пацифизм. В статье также отмечается, что среди таких вероисповеданий Российской империи, как православие, католичество, лютеранство, ислам, пацифизм не был характерной чертой вероучения. Бегство из армии объяснялось совершенно иными причинами. Так, некоторые мусульмане не желали воевать в рядах российской армии во время военных конфликтов с единоверными войнами Османской империи или Персии. Дезертирство среди православного населения диктовалось, как правило, бытовыми соображениями, нежеланием расставаться с привычной родной средой, а не пацифистскими убеждениями. Напротив, религиозный пацифизм таких религиозных движений, как баптизм и толстовство, формировался на библейской заповеди «не убий».

Ключевые слова: пацифизм, война, сектантство, толстовство, баптизм, войны.

В начале XX в. в связи с борьбой за передел мира в правящих кругах ведущих держав усилились милитаристские настроения. Война стала не только средством решения «национальных задач», но также фактором разрушения общества. На международном уровне возникли попытки мирного урегулирования военных конфликтов. В 1899 г. и 1907 г. на международных конференциях в Гааге были приняты конвенции о мирном разрешении военных конфликтов. В различных общественных кругах стали чаще раздаваться споры о войне, правомерности ношения оружия, об убийствах в ходе боевых действий. Зачастую такие дискуссии исходили из различного понимания Библии. Одни полагали, что христианское Священное Писание, особенно Новый Завет, учение Христа запрещают проливать кровь. Другие, напротив, также основываясь на библейских текстах, опровергали идею пацифизма.

Нельзя сказать, что влияние идей религиозного пацифизма было велико в общей картине общественной жизни начала XX в. Но утверждать, что не было никакого влияния, значило бы упустить из вида одну из красноречивых тенденций последних лет Российской империи. Во всяком случае, идеи религиозного пацифизма нашли воплощение в годы Первой мировой войны и стали одной из причин дезертирства солдат. В современном обществе вопрос о службе в Вооруженных силах или отказе от таковой по религиозным основаниям также является весьма актуальным. После распада Советского государства в 2002 г. был принят Федеральный Закон «Об альтернативной гражданской службе», дающий право на освобождение от военной службы в связи с религиозными убеждениями.

Историография представленного вопроса не изобилует полноценными исследованиями. Ряд авторов представили вопрос об отношении верующих к войне так, что он рассматривается лишь в контексте исследования другой темы [1; 3; 11; 13; 16]. Интерес представляют работы, в которых главное внимание уделяется религиозному пацифизму [4; 17], а также по-

ложительному восприятию войны [2]. Ясно, что данный вопрос еще не рассмотрен с разных сторон, многие источники не опубликованы.

В работе использованы фонды центральных и местных архивов: Департамента духовных дел иностранных исповеданий (РГИА. Ф. 821), фонды личного происхождения – К. П. Победоносцев (РГИА. Ф. 1574), П. Н. Милюков (ГАРФ. Ф. 579), фонд Пермского епархиального миссионера (ГАПК. Ф. 95), Пермского комитета Православного миссионерского общества (ГАПК. Ф. 199), канцелярия Пермского епархиального архиерея (ГАПК. Ф. 664), фонд Вятского наместнического правления (ЦГАКО. Ф. 583). Источниками по данной теме стали опубликованные труды писателей и богословов начала XX в. [12; 16; 17; 25].

Религиозный пацифизм проявился, прежде всего, среди русского религиозного сектантства. *Духоборы*, руководствуясь словами Христа о невозможности служить «двум господам», в 1895 г. стали публично ломать оружие, складывая его к ногам офицеров. Такой взгляд на вооруженные силы у духоборов сложился под влиянием учения Л. Н. Толстого «о непротавлении злу». Произошло это следующим образом. После смерти предводительницы духоборов – Лукерии – секта распалась на сторонников П. Веригина и А. Зубова. Веригин и его партия приняли учение Л. Н. Толстого, отказались от исполнения общественных обязанностей и несения военной службы [16, с. 96].

До этого раскола в учении духоборов не было четко сформулированной доктрины об участии своих адептов в войне. С одной стороны, один из вождей этой секты С. Колесников учил своих приверженцев о том, что необходимо повиноваться гражданским властям, что предполагало несение военной службы. Среди духоборов было много казаков и служилых людей, несших военную службу. В годы Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. духоборы помогали русской армии в доставлении провианта [16, с. 94]. С другой стороны, как отмечал исследователь русского сектантства С. Д. Маргаритов, духоборы не признавали войны, отвергали ношение оружия, уклонялись от клятвы. Поэтому власти, хотя и принимали духоборов в военную службу, но не требовали от них принесения присяги [16, с. 105]. Действительно, 29 мая 1855 г. «Высочайше повелено», что духоборы и другие сектанты «по заблуждению своему уклоняющихся от присяги, к таковой не принуждаются» [18, л. 18].

Неопределенность взглядов духоборов на войну дополняется исследовательским изысканием И. А. Гордеевой, которая на основании архивных документов сделала вывод, что каждый духобор должен был самостоятельно решать, «согласно велению своей совести», носить ему оружие или нет [4, с. 84]. Следует учитывать, что буквальное следование принципу религиозного пацифизма требует отказа не только от ношения оружия, присяги, но и от всякого насилия. Однако в религиозном быту духоборов этого не было. А. И. Клибанов вполне убедительно показал, что в своей среде духоборы руководствовались сами жесткими способами управления, где действовал произвол, «не гнушавшийся кулачной расправой». У духоборов была особая военная организация – «казачки», которые с оружием (сабли, кинжалы, револьверы) в руках охраняли своих единоверцев. Были случаи, когда «казачки» духоборов вступали в кровавые столкновения с соседними жителями [13, с. 100–101]. Выходит, что Веригин строил новое для духоборов учение, но старый же фундамент давал о себе знать. А. И. Клибанов высказал мнение, не лишённое серьезного основания, о том, что Веригин принял программу Толстого о непротавлении злу с целью «разоружения духоборов, в тот момент, когда классовая борьба в их среде принимала все более острые формы» [13, с. 111].

Неоднозначным было отношение к войне *баптистов* и сродного ему движения *евангельских христиан*. В Департаменте духовных дел полагали, что секта евангельских христиан являлась разновидностью баптизма [20, л. 74]. Не вдаваясь в дискуссию о соотношении этих понятий, отметим, что в вопросе о войне позиция баптистов и евангельских христиан была схожей.

В литературе указывалось на то, что в отличие от меннонитов, баптисты считали допустимым принесение присяги, тогда как для меннонитов пацифизм был одним из главных принципов вероисповедания. М. В. Иванов полагает, что западные баптисты не склонны видеть в словах Евангелия «Не клянись вовсе» (Мф. 5:34) полный запрет на присягу, вместе с тем указывая, что на российских баптистов большое влияние оказали молокане, убежденные пацифисты [11, с. 244]. Если степень влияния молокан на «русский» баптизм, как представляется, требует более глубокого анализа, то вывод о пацифизме баптистов выглядит более убедительным. Российские чиновники, входившие в структуру Министерства внутренних дел, в начале XX в. выявили множество случаев отказа баптистов и евангельских христиан от несе-

ния военной службы. Чиновник особых поручений при МВД А. А. Кологривов, изучив историю распространения сектантства в Степном крае, отметил, что характерной чертой баптизма является антимилитаризм [5, л. 32]. Согласно донесению начальника Волынского жандармского управления, солдат Владимир Рудаковский, являвшийся последователем баптизма, при выдаче винтовки заявил, что «будучи, последователем Иисуса Христа, который заповедал не убивать врагов, а любить их, он не может взять винтовки» [20, л. 10 об.]. Архиепископ херсонский Назарий (Кириллов), основываясь на сведениях военных властей, указывал на отрицательное отношение к войне местных баптистов. Так, призванный из запаса наводчик артиллерийской бригады Романенко отказался исполнять приказ офицера, ссылаясь на заповедь: «Любите враги ваши» [21, л. 3 об.]. Один из сотрудников «охранки» также указывал на то, что для баптистов была характерна идея недопустимости действовать оружием против неприятеля, даже на войне [21, л. 10 об.]. По данным, собранным в Департаменте духовных дел в Петроградской общине «Евангельских христиан», пацифизм был возведен в ранг одной из основополагающих догм этого учения: «По религиозным представлениям этих сектантов, пролитие крови есть грех пред Богом, а потому последователям этого учения воспрещается брать в руки оружие и для защиты от внешнего врага» [20, л. 61 об.].

Отсутствие определенного взгляда на войну наблюдалось у *молокан* и «*новоизраильтян*». Существует мнение, что молокане в целом являлись законопослушными и несли военную службу в рядах вооруженных сил России [4, с. 86]. Действительно, молокане «донского толка» не отказывались от присяги, военной службы, признавали гражданскую власть [16, с. 137]. Однако те молокане, которые стали последователями учения Л. Н. Толстого, отказывались от ношения оружия [16, с. 125]. Подобно молоканам, среди последователей секты «Новый Израиль» также возникали разногласия по поводу участия в вооруженных конфликтах. В мае 1905 г. в Ростове-на-Дону руководители секты объявили свою программу, в которой говорилось о желании реформ «не мятежным действием и кровопролитием», а также провозглашалось, что последователи секты несут воинскую повинность и уважают начальство [13, с. 72]. Однако в Харькове в 1910 г. имел место случай, когда «новоизраильцы» оскорбительно выражались в адрес государства, призывали отказываться от отбывания воинской повинности [13, с. 74].

Таким образом, у *духоборов*, «*новоизраильтян*», *молокан* идея пацифизма не являлась ядром вероучения, последователи этих вероучений могли сами решать вопрос о несении воинской повинности. Пацифизм наиболее отчетлив среди баптистов и евангельских христиан. Наряду с этим существовали сектантские организации, которые довольно определенно отвечали на вопрос об участии в вооруженных конфликтах: война и убийство категорически отвергались. К таковым можно отнести: *штундистов*, *адвентистов*, «*Десных братьев*», *меннонитов*, *толстовцев*.

В Российской империи «*штунда*» являлась сектой, гонимой из-за пропаганды идей анархизма и неповиновения властям. И. В. Абрацумов, указывая на ряд заявлений *штундистов* о верности властям, делает вывод, что не все *штундисты* были анархистами [1, с. 39]. Это утверждение верно в том смысле, когда речь заходит о *штундистском* движении после провозглашения вероисповедных свобод в 1905 г. Действительно, в одном «вероучении» *штундистов* сказано: «Мы веруем, что правительство установлено Богом... Мы считаем себя обязанными, когда потребует нас к тому начальство, нести повинности военной службы. Однако мы можем также сердечно соединиться с теми, которые не разделяют наших убеждений относительно клятвы и военной службы» [16, с. 175]. Подобные заявления появились после издания указа о веротерпимости. До этого власти империи признали *штундизм* в качестве «гонимой» религии именно за отказ повиновения властям и пропаганде идей пацифизма. К тому же и после 1905 г. у некоторых *штундистов* оставалась «старая закваска». Один *штундист* заявил: «Если бы нас как-либо и погнали на войну, мы стреляли бы не в врагов, а в воздух» [21, л. 3 об.]. *Штундисты* д. Николаева Херсонской губернии говорили, что любая судебная и административная власть «изгоняет из государства дух Христов», что у христиан не должно быть никаких начальников, «ибо есть только один начальник и Пастырь – Христос». Естественно, что подобные заявления выводили заключение – «Война – зло» [21, л. 2].

Неприятное отношение к военной службе было у секты «*Десного братства*», которая называлась еще «*Сионской вестью*», а также «*Иеговистами*». Последователи данного учения открыто призывали отказываться от несения военной службы, царей называли «деспотами» [16, с. 146]. Впрочем, пункт о милитаризме не был центральной темой в учении данной

секты. Краеугольным камнем «Иеговистов»¹ было чаяние тысячелетнего царства, священный трепет перед наступлением Армагеддона. Антимилитаризм носил служебную роль, как способ уклониться от «царства тьмы», которое в глазах «сионистов» воплощалось в династии Романовых.

Иной характер носил антимилитаризм *адвентистов*. Отказ от войны признавался адвентистами одним из условий получения спасения в загробной жизни. У этого религиозного движения пацифизм был элементом политической теории, в основе которой был космополитизм. В связи с этим, как отмечалось в одном из указов «Его Императорскому Величеству благоугодно было собственноручно начертать: “Нужно во всеоружии бороться с этим злом”» [21, л. 2 об.]. На космополитизм адвентистов указывал епископ саратовский Гермоген (Долганёв). В письме местному губернатору он указывал, что в учении адвентистов «есть космополитический характер. Так, Отечества для адвентистов нет, есть только братья, живущая в Западной Европе, Америке, в Африке и в Австралии» [24, с. 108]. Справедливости ради стоит отметить, что вопрос о космополитизме адвентистов не может считаться окончательно решенным. Доказательством этому может служить конференция адвентистов, состоявшаяся в Санкт-Петербурге в 1905 г., во время которой было принято решение послать императору Николаю II «Благодарственный адрес за дарование новых вероисповедных свобод». В нем адвентисты указывали, что на основании Библии необходимо чтить правительство, которое поставлено от Бога и молиться за него. Было принято обязательство «отдавать Кесарево Кесарю, принося ему подати, налоги, страх и честь, а Божие Богу, соблюдая Его заповеди» [21, л. 4].

От участия в вооруженных конфликтах уклонялись *меннониты*. Представители данного религиозного движения появились в России во время правления императрицы Екатерины II. В Россию меннониты стали переселяться из Пруссии, где их принуждали к службе в армии. Российская императрица гарантировала меннонитам свободу от рекрутства, рассчитывая с помощью немецких колонистов на успешное хозяйственное освоение южных земель. При императоре Александре II закон о всеобщей воинской повинности распространялся на все слои населения. Меннонитов впервые стали привлекать в ряды российской армии, что стало причиной их массового переселения в Америку и Канаду. После этого царская власть допустила меннонитам вместо военной службы трудиться в военных мастерских, что рассматривается как начало в России альтернативной гражданской службы [4, с. 87].

Необходимо учитывать, что меннониты не были анархистами, государственная власть, в том числе необходимый ее элемент – вооруженные силы – принималась ими как условие гражданского мира в обществе. Являясь, как правило, собственниками крупных земельных владений, меннониты рассматривали государство как необходимую скрепу для защиты своей собственности. Поэтому во время вооруженных конфликтов меннониты выражали свои верноподданнические чувства, в частности в годы Первой мировой войны [9, л. 17].

Немецкие колонисты были представлены не одними меннонитами, но также лютеранами и реформатами. Многие из них после введения всеобщей воинской повинности несли военную службу в рядах российской армии, участвовали в боевых действиях в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., Русско-японской войне, а также в Первой мировой войне. В записке известного кадетского деятеля П. Н. Милюкова «О немецких колонистах северных губерний» указано, что и «теперь мало колонистских семейств, в которых не числилось бы ни одного члена, который бы не находился в действующей армии» [8, л. 1].

Особым религиозно-этическим направлением с конца XIX в. стало *толстовство*. Основа вероучения была заложена Л. Н. Толстым, который, как и многие русские сектанты, отрицал участие человека в военных действиях, основываясь на своеобразных религиозных убеждениях. В письмах к духоборам в Канаду Л. Н. Толстой выразил свое понимание христианского смирения и кротости: «Вы пострадали и были изгнаны и теперь еще терпите нужду за то, что захотели вести христианскую жизнь не на словах, а на деле, – отказались от всякого насилия над ближним, от присяги, от полицейской, от солдатской службы, даже сожгли свое оружие, чтобы не было соблазна защищаться им» [23, л. 3 об.].

Для Л. Н. Толстого непотворение злу было не отдельным пунктом вероучения, оно являлось составной частью его мирозерцания, проникнутого неприязнью к внешним формам общественной жизни. Так, учение о пацифизме тесно переплеталось с учением о собственности. Из евангельских слов о невозможности служить Богу и мамоне (богатству) Толстой делал

¹ Не следует путать данную секту с движением «Свидетели Иеговы».

весьма радикальный вывод: любая собственность есть мамона (зло), а потому от нее следует отказаться вовсе. Собственность предполагает необходимость ее защиты, а защищать можно только насилием – «борьбою, дракою, даже убийством». По учению Толстого, если люди удерживают собственность, не делая никому насилия, они тем не менее прибегают к помощи полиции и закона, т. е. ограждают свою собственность угрозой насилия. «И потому признание собственности есть признание насилия и убийства, и вам (духоборам – авт.) незачем было отказываться от военной и полицейской службы, если вы признаете собственность, которая поддерживается только военной и полицейской службой», – писал Толстой духоборам в Канаду [23, л. 4 об.].

Идеи, провозглашенные Л. Н. Толстым, не могли пройти бесследно. От военной службы стали отказываться не только духоборы, но и лица, не принадлежавшие к какому-либо сектантскому движению. Познакомившись с работами Толстого, Ефим Дымшиц пришел к выводу, что «зло – безумие, тьма и болезнь, что насильник больше всего достоин жалости, что противление (насилием) не уничтожает зло, а лишь размножает его, отравляя и душу противящегося» [4, с. 94].

В Российской империи существовали и иные малоизвестные религиозные движения, отрицавшие войну. В Оренбургской губернии была обнаружена секта «братолюбцев». Такое название секты получила от основоположника нового религиозного учения Братолюбова. Согласно данным, собранным оренбургским епархиальным начальством, вероучение этой секты тождественно толстовству и квакерству и заключалось в отрицании государственной власти, войны, воинской службы, присяги, православной Церкви [22, л. 5].

Большинство *старообрядческих толков* принимали военную присягу и служили в рядах вооруженных сил Российской империи. Во время работы нижегородских старообрядческих съездов был выработан текст военной присяги, в котором давалось обещание «Его Императорскому Величеству Государства и земель Его врагов, телом и кровью, в поле и крепостях, водою и сухим путем, в баталиях, партиях, осадах и штурмах и в прочих воинских случаях, храброе и сильное чинить сопротивление» [18, л. 26]. В другой части империи старообрядцы с. Куналейского Забайкальской области уверяли Департамент духовных дел, что они почитают «ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА как своего отца родного и готовы положить за него жизнь свою», указывали на то, что в годы войны с Японией «были одними из лучших воинов», что «в случае войны мы грудью будем защищать Россию» [19, л. 11 об., 15].

Первая мировая война и религиозный пацифизм. Первая мировая война стала для континентальных империй Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов испытанием на прочность национальной и конфессиональной политики, проводившейся в этих странах. Никогда еще подданные, имевшие национальные связи с враждебными державами, не испытывали такого прессинга со стороны правительств, как это было в Первую мировую войну. Кампания борьбы с «неприятельскими подданными» в Российской империи достаточно полно описана в работе американского исследователя Э. Лор «Русский национализм и Российская империя: Кампания против “вражеских подданных” в годы Первой мировой войны» [15]. В этой работе акцент поставлен более на национальный вопрос, нежели конфессиональный, хотя оба имеют тесное переплетение. В Российской империи «вражеские подданные» представляли, как правило, протестантские вероучения. Значительным ограничениям были подвергнуты лютеране и баптисты. Мусульмане, хотя и подозревались в симпатиях к турецкому султану-единоверцу, однако имели больше доверия у властей, нежели протестанты.

В августе 1914 г. с целью прекращения антивоенных акций со стороны «инославной и иноверной пропаганды» Св. Синод поручил всем епархиальным архиереям обязать местных миссионеров устраивать в храмах беседы о войне [7, л. 2]. Данное предостережение, как показала война, не было беспочвенным. «Инославная и иноверная пропаганда» имела место быть, как на фронте, так и в тылу. На Мотовилихинских заводах (Пермская губерния), которые производили оружие для российской армии, баптисты вели антимилитаристскую пропаганду. Некоторые из баптистов убеждали не стрелять в немцев, сдаваться им в плен, либо «стрелять вверх» [6, л. 95]. В той же губернии баптисты заявляли: «если бы ваш царь дал землицы Вильгельму, тогда бы и воевать перестал» [6, л. 96–96 об.]. В Вятской губернии баптисты Ижевского завода были заподозрены в распространении антиправительственных идей и антимилитаризме. Правда, проведенное губернской канцелярией следствие не доказало причастность баптистов к пропаганде прекращения войны [26, л. 9, 12]. Пиком борьбы с баптизмом стало распоряжение министра внутренних дел Штюрмера о начале следственных дей-

ствий против столичной организации евангельских христиан, возглавляемой И. С. Прохановым. Основываясь на донесениях губернаторов, указывавших на факты антимилиитаристской пропаганды сектантов (по всему Черноморскому побережью одесские власти нашли письма Проханова с антимилиитаристскими идеями), Штюрмер инициировал введение мер по ограничению деятельности баптистов и евангельских христиан [20, л. 76–77].

Симпатии сектантов к немцам проявлялись и *на линии фронта*. Протопресвитер армии и флота Георгий Шавельский отмечал, что сектанты вели скрытую пропаганду, поучая солдат не брать оружия, не признавать судебной власти, отказаться от защиты Родины, основываясь на «вырванных из текста, ловко подобранных выражениях Священного Писания: “не убий”, “не противься злу”, “взявший меч от меча погибнет”, “любите враги ваша”» [21, л. 9 об.]. В письме на имя Верховного главнокомандующего от 31 января 1917 г. он приводил пример беседы одного священника с сектантами. Священник задает вопрос: «почему вы отказываетесь взять оружие». Ответ: «потому что Россия совершает убийства, а мы не хотим участвовать в этом грехе». Вопрос: «А Германия разве не совершает убийства?». На этот вопрос некоторые сектанты отвечали: «на Германию напали, и она вынуждена защищаться». Затем сектанты стали сами задавать вопросы: «Почему это в Библии мы видим, что Бог повелевает евреям истреблять другие народы?». Ответ священника: «Вероятно, потому что они были грешники и прогневали Бога». Ответ сектанта: «Нет, эти народы были истреблены потому, что вера у них была языческая. И вот то же самое мы видим и теперь у нас в России: вера языческая. Русские люди язычники, а немцы лучшие люди, они избраны Богом, чтобы истребить нас». В заключении священник отметил, что на императора Вильгельма «сектанты смотрят как на своего царя, получающего откровения от Бога» [21, л. 8 об.].

В неудачный для России 1915 г. министр внутренних дел уведомил руководство Северного фронта, что евангельские христиане «вызывают повышенное настроение у посетителей (молитвенных собраний – *авт.*) и могут увлекать их на путь пропаганды идей, оказывающих в условиях переживаемого времени вредное влияние на население». Одновременно с этим Департамент духовных дел обратился к прокурорам военно-окружных судов с просьбой сообщить о случаях антивоенной пропаганды по религиозным убеждениям. Из поступивших в департамент сведений оказалось, что в восьми военно-окружных судах за отказы от исполнения воинского долга привлечено к уголовной ответственности 48 нижних чинов из последователей евангельских христиан [20, л. 62 об.].

В задачи данной статьи не входит выявление степени влияния антивоенной пропаганды сектантского движения в годы войны. Важно понять, что военное руководство и полковое духовенство было действительно взволновано данной пропагандой в тылу и особенно на фронте. В связи с этим необходимо выяснить взгляды на войну православного духовенства как представителей господствующего в Российской империи вероисповедания, а также светских писателей, которые выражали православный взгляд на проблему войны.

Среди светских писателей следует обратиться к трудам В. А. Никольского и И. А. Ильина. Профессор Казанской духовной академии В. А. Никольский в 1904 г. опубликовал работу под названием «Христианство, патриотизм и война». Это был ответ на развитие в обществе идей пацифизма и космополитизма. Автор попытался ответить на непростой вопрос: может ли христианин с оружием в руках защищать свою родную землю ценой пролития крови другого человека? В. А. Никольский начал свое рассуждение с идеи патриотизма, которая есть «психологический феномен», а не привитая обществом абстрактная идея. Патриотизм вырастает из естественной любви детей к родителям, из чувства благодарности к ним. Это чувство впоследствии переносится на общественные союзы и государство [17, с. 5]. Государство не отвергается христианством, наоборот, повиновение существующим властям прямо заповедуется Христом (Мк. 12:17) и апостолами (Рим. 13:4). В. А. Никольский делал отсюда следующий вывод. Если новозаветное учение не отвергает государство, то вместе с тем не отрицается его важнейший институт – вооруженные силы. Христос и апостолы «имели в виду не какую-нибудь идиллическую организацию, а конкретный институт с войсками и возможной войной» [17, с. 66]. Наконец, по словам Никольского, Христос и апостолы нигде не требовали отказываться от своих должностей, в том числе военных. Христос даже похвалил сотника за его веру и поставил его в пример израильтянам [17, с. 62–63].

Возможно, наиболее полноценным ответом на проповедь Л. Н. Толстого о «непротивлении злу» можно считать работу И. А. Ильина «О сопротивлении злу силой». В работе Ильина находим философско-богословский взгляд на вопрос о возможности и даже необходимости

сохранять армию и нести военную службу. Одна из главных идей Ильина – присутствие в обществе через человека зла, разрушающего благие намерения и начинания людей. По мысли религиозного философа непротивление злу, как учила «группа морализующих публицистов» во главе с Л. Н. Толстым, означает согласие с ним, а это ведет к его дальнейшему распространению и своеобразной пропаганде: «несопротивляющийся злу рано или поздно приходит к необходимости уверить себя, что зло – не совсем плохо и не так уж безусловно есть зло; что в нем есть некоторые положительные черты» [12, с. 12].

Для уяснения позиции православного духовенства на войну следует обратиться к работе протоиерея Валентина Свенцицкого «Война и Церковь». Одной из центральных проблем, заявленных в данной работе, является неизбежность для христианина выбора между защитой невинной жертвы (мирного населения, ближних, родных и проч.) и атакующим ее врагом, «злодеем». Протоиерей Валентин пишет, что у верующего всегда существует выбор: либо убить злодея, насильника, либо оставить жертву этого насильника на поругание и убиение. Христианин говорит: «Если это неизбежно – пусть лучше убит будет преступник, а невинный останется жив», а отказывающийся от войны и использования оружия выбирает другое: «Пусть будет убит невинный, а преступник живет» [25, с. 14]. Другим оправданием войны и вооруженных сил является идея, что «мир во зле лежит». Это значит, что для нормального бытия народа требуется власть, необходимым элементом которой являются вооруженные силы. Без власти общество превратилось бы в «дикую анархию», без войска люди вооружились бы в «разбойничьи шайки» [25, с. 30–31]. Таким образом, протоиерей Валентин Свенцицкий стоит на традиционной для православного богословия мысли, что лучше предпочесть меньшее зло (вооружение) во избежание большего зла (анархия, уголовный произвол). Признание вооруженных сил основывается на политическом учении о признании гражданской власти.

Важно заметить, что отрицание пацифизма стало частью концепции православных богословов и философов не только в силу доктринальных соображений. Действовал фактор исторической традиции русского воинства, которое на протяжении многих веков получало благословение от православного духовенства на защиту Родины. Как отмечал А. В. Буганов, с самых давних времен русский фольклор был проникнут идеей борьбы за родную землю: «Богатырство было проникнуто идеей православного христианского служения, являлось формой церковного послушания» [2, с. 14–15]. Многие князья были прославлены в лике святых (напр., св. Александр Невский) и воспринимались народом как защитники народа, а их богоугодность заключалась в жертвенной любви к своему народу [2, с. 16].

Зачастую в войнах участвовало и духовенство. Не лишним будет вспомнить благословение преп. Сергия Радонежского и посылку им двух монахов – Александра Пересвета и Родиона Ослябя – на битву с Мамаем. В Российской империи с момента ее формирования действовал институт полковых священников. С началом Первой мировой войны военное духовенство морально поддерживало солдат, многие священники оказались на передовой. По подсчетам М. В. Шкаровского, всего за время боевых действий 1072 священника были награждены орденами, 30 представителей военного духовенства погибли, более 400 были ранены, свыше 100 попали в плен [27, с. 54].

В годы Первой мировой войны дезертирство солдат, исповедовавших православную веру, не было связано с религиозными убеждениями. Действовали скорее политические и социальные мотивы. Только в редких случаях православные отказывались от несения военной службы по религиозным убеждениям. Призванный в 1914 г. на военную службу крестьянин с Рыбинки (Саратовская губерния) Василий Марков заявил, что «он категорически отказывается от исполнения воинской повинности, как христианин». В ходе расследования данного дела выяснилось, что отказ от несения военной службы он мотивировал убийством своего отца, ибо после этого «углубился в чтение Евангелия и пришел к убеждению, что, по христианскому учению, кровь проливать нельзя, а потому и не должен служить на военной службе и брать в руки оружие». Стоит заметить, что Марков после убийства отца был признан душевнобольным, но потом данный диагноз по решению суда был с него снят. Сведений о принадлежности Маркова к какой-либо секте в ходе следствия обнаружено не было [19, л. 27].

Пацифизм не был характерной чертой и ряда других вероисповеданий Российской империи: католичества, лютеранства, армяно-григорианского исповедания, ислама. Если и возникали случаи дезертирства, то они объяснялись отнюдь не догматическими соображениями. Так, мусульмане легко вооружались против европейских противников России, но когда начи-

нались военные конфликты с Османской империей или Ираном, то здесь вопрос об участии против единоверцев решался довольно противоречиво. В годы Крымской войны в одном только Мамадышском уезде Казанской губернии насчитывалось до 200 беглых воинов мусульман. Татары говорили, что сражаться с единоверными запрещает совесть [10, с. 55]. И все же подобные уклонения от военной службы носили скорее спорадичный характер, нежели регулярный. Мусульмане со времен Московского государства служили в рядах российской армии, формировали верные царской власти полки [3, с. 20]. Оренбургские муфтии обращались к мусульманским проповедникам, чтобы они напоминали о долге мусульман повиноваться властям и законам, идти на службу государства, что уклонение от нее путем членовредительства «есть один из величайших грехов» [14, с. 88].

Таким образом, из всего религиозного многообразия Российской империи можно выделить несколько подходов к войне: ее нежелательность, но необходимость (православие, католичество, лютеранство, армяно-григорианское вероисповедание); отрицание войны и уклонение от службы в вооруженных силах (толстовцы, меннониты, иеговисты («Десное братство»), адвентисты, штундисты); неоднозначность, противоречивость позиции, когда одни адепты признавали возможность участия в войне, другие отрицали это (духоборы, баптисты).

Отдельно взятый вопрос, а именно отношение к войне и службе в вооруженных силах среди различных вероисповеданий, помогает сделать более общие выводы. За частным вопросом можно разглядеть положение конфессий в последние годы существования империи Романовых. Для царской России приемлемы были те вероисповедания, которые укрепляли правовые и моральные устои империи. Православие, католичество, лютеранство, армяно-григорианское исповедание, ислам, в некоторой степени буддизм и язычество, содержали учение, которое могло служить опорой правопорядку, укреплению правосознания подданных. Напротив, гетеродоксия, нонконформизм, как правило, предполагали отступление от устоявшихся моральных установок, в том числе верности присяге и несения военной службы. Такие религиозные движения, как баптизм, толстовство, адвентизм, штундизм, вместе с пацифизмом несли в народ разрушение катехизических правил, умаляли достоинство властей и церковной иерархии. Поэтому власти ограничивали в правовом статусе нонконформистов. Наоборот, уважение к существующему правовому строю и династии, признание присяги и военной службы служили залогом веротерпимости и предоставлению определенных в законе религиозных гарантий.

Список литературы

1. Амбрацумов И. В. Русский штундизм, общество и власть // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2011. Вып. 5 (42). С. 30–47.
2. Буганов А. В. Героическое в историческом фольклоре и народном сознании русских XIX–XX вв. / отв. ред. А. В. Буганов. М. : ИЭА РАН, 2013. С. 14–28.
3. Габдуллин И. Р. От служилых татар к татарскому дворянству. М. : Изд. Р. Ш. Кудашев, 2006. 317 с.
4. Гордеева И. А. Отказы от военной службы и формирование пацифистского движения в России в конце XIX – начале XX века // Крестьяноведение. 2018. Т. 3. № 4. С. 78–104.
5. ГАПК (Государственный архив Пермского края). Ф. 95. Оп. 1. Д. 46.
6. ГАПК. Ф. 199. Оп. 1. Д. 30.
7. ГАПК. Ф. 664. Оп. 1. Д. 43.
8. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 579. Оп. 1. Д. 2607.
9. ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2608.
10. Знаменский П. В. Казанские татары. Казань : Типография Императорского Университета, 1910. 67 с.
11. Иванов М. В. Источники богословия российского баптизма // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. № 3. С. 242–246.
12. Ильин И. А. О сопротивлении злу силой. Изд 5-е. М. : ДАРЪ, 2014. 480 с.
13. Клибанов А. И. История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. – 1917 г.). М. : Наука, 1965. 348 с.
14. Круз Р. За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М. : Новое литературное обозрение, 2020. 475 с.
15. Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М. : НЛО, 2012. 304 с.
16. Маргаритов С. Д. История русских рационалистических и мистических сект. Симферополь : Таврич. губ. тип., 1910. 228 с.
17. Никольский В. А. Христианство, патриотизм и война. Казань : Типолиотография Императорского Университета, 1904. 98 с.

18. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 821. Оп. 133. Д. 68.
19. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 72.
20. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 198.
21. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 332.
22. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 333.
23. РГИА. Ф. 1574. Оп. 2. Д. 191.
24. Руфин С. М. Правовое положение баптистов и адвентистов в Российской империи в конце XIX – начале XX века (на материалах Саратовской губернии) // Известия Саратовского ун-та. Серия: История. Международные отношения. 2019. Т. 19. Вып. 1. С. 104–108.
25. Свенцицкий Валентин, протоиерей. Война и церковь. Ростов н/Д, 1919. 36 с.
26. ЦГАКО (Центральный государственный архив Кировской области). Ф. 583. Оп. 604. Д. 132.
27. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М. : Вече: Лепта, 2010. 478 с.

The attitude towards military service among the religious movements of Russia in the late XIX – early XX centuries

Orlov Maxim Alexandrovich

PhD in Historical Sciences, St. Petersburg Lyceum.

Russia, Kirov. ORCID: 0000-0003-4663-9443. E-mail: orlov.m.a.87@yandex.ru

Abstract. Since ancient times, war and religion have been closely linked. In ancient times, the Middle Ages, Modern Times, and even Modern times, wars were often sacred in nature as a struggle for religious beliefs. Over time, religious teachings appeared that rejected the war (Baptists, Mennonites, Adventists). There were also ideas of pacifism among the sectarians of the Russian Empire. This article examines the issue of the attitude of various religious groups of Russia to the war at the turn of the XIX – early XX centuries. An attempt has been made to classify various faiths on such a basis as attitudes towards war.

Religious pacifism has been known in Russia since the 18th century, when the Mennonites arrived in the country. Pacifism began to spread with particular force after Leo Tolstoy's sermon on "non-resistance to evil". Some sects, for example, the Doukhobors, adopted Tolstoy's pacifism, making it one of the points of their creed. Pacifism was also characteristic of the sect of "Jehovah's Witnesses" ("The Divine Brotherhood"), "New Israel", Stundism, Molokanism. At the same time, it is indicated that the idea of pacifism has not always been unequivocally accepted among these religious sects. Not all of their adherents accepted pacifism. The article also notes that among such faiths of the Russian Empire as Orthodoxy, Catholicism, Lutheranism, Islam, pacifism was not a characteristic feature of the creed. The flight from the army was explained by completely different reasons. Thus, some Muslims did not want to fight in the ranks of the Russian army during military conflicts with the co-religionist wars of the Ottoman Empire or Persia. Desertion among the Orthodox population was dictated, as a rule, by domestic considerations, unwillingness to part with the familiar native environment, and not by pacifist beliefs. On the contrary, the religious pacifism of religious movements such as Baptism and Tolstoyism was formed on the biblical commandment "thou shalt not kill."

Keywords: pacifism, war, sectarianism, Tolstoyism, Baptism, wars.

References

1. Ambracumov I. V. *Russkij shtundizm, obshchestvo i vlast'* [Russian shtundism, society and power] // *Vestnik PSTGU. Seriya 2: Istorija. Istorija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi* – Herald of PSU. Episode 2: The Story. The History of the Russian Orthodox Church. 2011. Is. 5 (42). Pp. 30–47.
2. Buganov A. V. *Geroicheskoe v istoricheskom fol'klore i narodnom soznanii russkix XIX–XX vv.* [The heroic in historical folklore and the national consciousness of Russians of the XIX–XX centuries] / ed. A. V. Buganov. M. IEA RAS, 2013. Pp. 14–28.
3. Gabdullin I. R. *Ot sluzhilyh tatar k tatarskomu dvoryanstvu* [From the serving Tatars to the Tatar nobility]. M. Publishing house of R. S. Kudashev, 2006. 317 p.
4. Gordeeva I. A. *Otkazy ot voennoj sluzhby i formirovanie pacifistskogo dvizheniya v Rossii v konce XIX – nachale XX veka* [Refusals from military service and the formation of the pacifist movement in Russia at the end of the XIX – beginning of the XX century] // *Krestyanovedenie* – Peasant studies. 2018. Vol. 3. No. 4. Pp. 78–104.
5. SAPR (State Archive of the Perm Region). F. 95. Inv. 1. File 46.
6. SAPR. F. 199. Inv. 1. File 30.
7. SAPR. F. 664. Inv. 1. File 43.
8. SARF (State Archive of the Russian Federation). F. 579. Inv. 1. File 2607.
9. SARF. F. 579. Inv. 1. File 2608.
10. Znamenskij P. V. *Kazanskie tatory* [Kazan Tatars]. Kazan. Printing House of the Imperial University, 1910. 67 p.

11. Ivanov M. V. *Istochniki bogosloviya rossijskogo baptizma* [Sources of the theology of Russian Baptism] // *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom* – State, religion, church in Russia and abroad. 2011. No. 3. Pp. 242–246.
12. Il'in I. A. *O soprotivlenii zlu siloj. Izd 5-e* [On resisting evil by force. Ed. 5th]. M. DAR, 2014. 480 p.
13. Klibanov A. I. *Istoriya religioznogo sektantstva v Rossii (60-e gody XIX v. – 1917 g.)* [The history of religious sectarianism in Russia (60s of the XIX century – 1917)]. M. Nauka (Science). 1965. 348 p.
14. Cruz R. *Za proroka i carya. Islam i imperiya v Rossii i Central'noj Azii* [For the prophet and the king. Islam and the Empire in Russia and Central Asia]. M. New Literary Review, 2020. 475 p.
15. Lor E. *Russkij nacionalizm i Rossijskaya imperiya: Kampaniya protiv "vrazheskikh poddannyh" v gody Pervoj mirovoj vojny* [Russian nationalism and the Russian Empire: The campaign against "enemy subjects" during the First World War]. M. UFO, 2012. 304 p.
16. Margaritov S. D. *Istoriya russkikh racionalisticheskikh i misticheskikh sekt* [The history of Russian rationalistic and mystical sects]. Simferopol. Taurich. Gubernia type., 1910. 228 p.
17. Nikol'skij V. A. *Hristianstvo, patriotizm i vojna* [Christianity, patriotism and war]. Kazan. Typolithography of the Imperial University, 1904. 98 p.
18. RSHA (Russian State Historical Archive). F. 821. Inv. 133. File 68.
19. RSHA. F. 821. Inv. 133. File 72.
20. RSHA. F. 821. Inv. 133. File 198.
21. RSHA. F. 821. Inv. 133. File 332.
22. RSHA. F. 821. Inv. 133. File 333.
23. RSHA. F. 1574. Inv. 2. File 191.
24. Rufin S. M. *Pravovoe polozhenie baptistov i adventistov v Rossijskoj imperii v konce XIX – nachale XX ve-ka (na materialah Saratovskoj gubernii)* [The legal status of Baptists and Adventists in the Russian Empire at the end of the XIX – beginning of the XX century (based on the materials of the Saratov province)] // *Izvestiya Saratovskogo un-ta. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* – News of Saratov University. Series: History. International relations. 2019. Vol. 19. Is. 1. Pp. 104–108.
25. Valentin Svetsitsky, *archpriest. Vojna i cerkov'* [War and the Church]. Rostov-na-Donu, 1919. 36 p.
26. CSAKR (Central State Archive of the Kirov region). F. 583. Inv. 604. File 132.
27. Shkarovskij M. V. *Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' v XX veke* [The Russian Orthodox Church in the XX century]. M. Veche : Lepta, 2010. 478 p.